

Илья Верховский
(Эли Бородэрл)

СНЕЖИНКИ СВЕТА
(миниатюры)

Мифическое издательство «ГАЙАВАТА»

г.Ханты-Мансийск
2010 год

Разноцветные искры из сундука памяти (вместо предисловия)	3
СНЕЖИНКИ СВЕТА (МИНИАТЮРЫ)	4
Белое	5
Ласточки в паутине	6
Золотые зеркала парков	7
Звездочёт, запорошенный снежинками	8
Праздник первого снега	9
Чёрно-белый мир. Собаки, сороки	10
Фонарь и снежинки	11
Когда деревья были большими	12
Ночное. Кошачье	13
Карнавал снежинок. Последний.	14
Время остановилось	15
Зимние звери деревьев	16
Меж дождинками	17
Шестиглазый слепец	18
Зимние превращения	19
Другая жизнь. Звёзды собачьих глаз	20
Шелест стеклянной ночи	21
Ты и Мир	22
Сказка о зашиворотном снеге	23
Мышонок со ступенек памяти	24
Был в лесу - встречал лису. Свистел как свиристель...	25
Утренняя песня крылатого	26
Звери-птицы. Собачий Человек, Сорочий Человек.	27
Городов мерцающие лица	28
Памяти искры. Дремучего детства	29
Подзатыльник Крошке Цахесу	30
Мальчишки у поручня	31
Время бежит насквозь	32
Небо помнит о нас	33
Исчерпывающая картина весны	34
Ангел лесных пустырей	35
Бродить (движущейся звездой)	36
Больничный городок. Деревянная Птица Сова и поэт в избушке	37
Старушка в избушке. Новых песен горсть	38
Взлетел	39
Собачье. Задумчивое	40
Нездешние белые белки	41
Большой мир	43
Лететь (солнышко внутри)	44
Шляпа	46
Цветов нездешние лица	47
Наряжать ёлку. Игрушками.	48
Сказка человека-запутаника	49
Лес россомаховых медвежат	50
В сером и немножко в чёрном. Вороний праздник	51
Мороз Сорочьих Берёз	52
Птичий Дом Песня	53
Первый вороний снег	54
Сон про чучелко с неожиданным именем	55
Старые книги	56
Зябкое и прекрасное время	57
Сорочий городок. Увиденное к ночи	59
Река времён	60
Родина-пустырь, Родина-овраг	61
Мёртвые	62
Дождиковый снег	63

Разноцветные искры из сундука памяти (вместо предисловия)

Что это за тексты?

Я сам не могу сказать точно. Немножко - стихотворения в прозе, немножко - дневниковые записи, немножко – странные слова и истории, приходящие из снов, медленных и прозрачных осенних парков и заснеженных лесных царств. Или падающие с неба разноцветными горстями. Живые фотографии мира.

Зачем они? Наверное, самое главное в жизни для меня – смотреть в глаза Времени... Мы с ним давно так играем. С тех пор, когда я был ещё удивлённоглазым мальчишкой. Ведь стихи, песни и сказки - самый главный, светлый и волшебный способ переиграть Время. Хитрое и беспощадно-безвозвратное. Если я беру сполох памяти, луч детства, каплю хорошей встречи, звон полуночного кухонного разговора, и сплетаю из этого песню-сказку - я даю этим безвозвратно улетающим кусочкам жизни - своё место - в вечности. В песенной или сказочной Вселенной. И потом, к этой песне или сказке я могу возвращаться и проживать её заново. Сверяясь, как по компасу.

Сквозь времена.

Вот они – эти сказки и истории. Лучи моей прошедшей жизни.

Разноцветные искры из сундука памяти.

Или просто – Снежинки Света.

СНЕЖИНКИ СВЕТА (МИНИАТЮРЫ)

Белое

У нас снег. Он какой-то настолько белый, что не верится, что такое белое вообще может быть на земле. Если долго-долго смотреть на него - со всех сторон тебя медленно забирает странное, нереальное ощущение, что ты в Белом Мире. И вокруг всё белое. Как одежды праведника. И это просто снег. Или не просто? А на нём - лёгкие узоры сорочьих лапок. Будто неведомые древние письмена.

Птичья Книга?

Остановить время.

Не пускать в Белый Мир чёрное.

Ласточки в паутине

Ласточки жили в кафе у моря. Под самой крышей, драпированной серыми верёвками под паутину. И когда наступал вечер, и воздух становился тяжёлым и сиреневым, а море, засыпая, начинало бормотать свои неритмичные колыбельные – ласточки вылетали из гнёзд. Они стремительно танцевали под куполом едва темнеющего неба и пронзительно кричали «Чивииик-чивииик!».

И на этот зов – приходила ночь.

Золотые зеркала парков

Вот - осень. Любимое моё время. Грустное, щемящее и прозрачное. Даже, когда дождь - хорошо. Осенний дождь - он ворчун и бормотун, но - только прикидывается сердитым. Насупившим брови, как угрюмый старик. А по правде он - добрый. Он рассказывает истории. Ругающимся, вечно куда-то спешащим людям, кутающимся в плащи. И маленьким жёлтым листьям, которые радуются летящим с неба каплям, как своим хорошим, но почему-то позабытым друзьям. Эти листья - они будто мои братья. И, хотя им уже очень скоро - в последний полёт, пока - время покоя.

Время махать ладошками и шептать печальные песни.

Звездочёт, запорошенный снежинками

Не нужно загадывать никаких желаний. Не нужно думать о будущем. Не нужно никогда ничего знать наперёд. Не нужно никогда ничего.

Просто стоять и смотреть, как с чёрного-синего шерстяного неба, оседлав весело махающую лапками авантюристку-снежинку, - к земле летит крошечный звёздный человечек и звонко-звонко - на весь огромный зимний заснеженный мир кричит: "Ух ты-ы-ы!!!"

Праздник первого снега

В Ханты-Мансийске сегодня - первый снег.

Я люблю зиму. И всегда очень жду снега. Белого, умытого мира. Почему-то считают, что раз он белый и холодный, то - злой и жестокий. Неправда.

Он - хороший. Тихо-праздничный, мерцающий на фонариных лучах, скрипящий, как маленький скрипач, Белый Мир. Планета Зима. И прирученные лисята уже не рыжие. Они ходят в белых мохнатых шубах. С поднятым воротником, на который с неба слетают маленькие шестилапые звери-снежинки.

И не боятся растаять.

Чёрно-белый мир. Собаки, сороки

Проходя по старым окраинным, полузаброшенным переулкам и чуть внимательнее приглядываясь к мерцающей на ветру окрестности - утверждаешься в мысли.

Что мир состоит только из собак и сорок.

Фонарь и снежинки

Вчера вечером с неба посыпались снежинки. Огромный ворох. Я не знаю, сколько там, на небе, снежиночных сундуков, но, по-моему, у небесных медведей, которые опрокидывают их вниз - уже должны немножко заболеть лапы. А земля вся в снежинках. Почти по уши. Вечером - они летят на свет фонаря, как диковинные хрустальные бабочки. Только очень маленькие и все поголовно танцовщицы. Летают, кружатся, тихо смеются от счастья.

А фонарь стоит - грустный. Точнее, стоял грустный. Потому что он уже удивлённо глядит на снежинок - и улыбается.

Им ведь невозможно не улыбнуться...

Когда деревья были большими

Зима. Декабрь. Мне 5 лет. Я выхожу вечером во двор. Со стороны - очень похож на неуклюжего медвежонка - в шубе, шарфе и меховой шапке-ушанке, завязанной под подбородком. Осторожно схожу (снег под валенками - хррруп, хррруп) по ступенькам крыльца. И - замороженно замираю. Ёлка за горкой и катком. Уже с гирляндами. Мерцающая огнями-звёздами. Невероятно громадная. До неба. И - улыбающаяся (да-да, даже огромные ёлки, если у них светло и лучисто на душе, умеют улыбаться). Эта ёлка - как весёлый великан из самой любимой сказочной книжки с цветными картинками, что лежит у меня на полке в маленькой комнате. Ёлка - как хороший друг. Как добрый мальчишка Андрей Гончаров из второго подъезда, который этой осенью навсегда уехал в Киев. Ёлка - судьба.

А взрослые, проходя мимо, - даже не замечают её.

Ночное. Кошачье

Вчера за полночь по освещённому фонарём и немножко луною заасфальтированному двору шлялась чёрная кошка. Как гибкое пятно ночи. Сначала кралась, почти распластавшись по земле. Потом - шшшшурх!!! - прыгнула. Охота на теней.

И я сразу вспомнил.

Что от зимы до весны - лишь один прыжок кошки.

Карнавал снежинок. Последний.

Вчера в ночь у снежинок был карнавал. Может быть - последний, прощальный... Миллионы шестилапых снежных бабочек в белых пушистых платьях кружились вокруг фонаря. Самозабвенно, отчаянно, волшеббно. Они думали, что фонарь - это Луна. И фонарь думал, что он - Луна. И я, стоя у форточки с сигаретой, и глядя на этот удивительный бал, - поверил им.

Спасибо. Это такой сказочный калейдоскоп. Из сбежавших времён. Зима. Уснувший город. Заснеженная ночь. Луна с удивлёнными фонариными глазами.

И целое небо бабочек.

Время остановилось

Смотреть в окно. Вверх по невидимому лучу. Синее прозрачное небо, чёрные птицы и красные и зелёные крыши. Больше ничего.

Зимние звери деревья

Минус 24. Запорошенные зимой деревья – снежные звери. У зверей белые лапы и внимательные синие глаза. Пронзительной и бездонной зимней синевы. Они что-то шепчут, раскачивая лапами на ветру и чуть печально поют свою песню. Они даже не смотрят на людей. Они раскачиваются. Шепчут. Поют. А люди не смотрят на них. И не слышат их песен.

Эх, люди, люди...

Меж дождинками

Снег сбежал. Дождь - тоже. Остался озябший ветер,
нестерпимая желтизна листьев и нахальный вороний народ,
плящущий на газонах.

Не осень - не зима.

Время, застывающее в утренних лужах.

Шестиглазый слепец

Смотрю в окно. Напротив - дом. У старого стадиона. Дом - белый, почти новый, но стёкол нет во всех шести окнах. Если долго смотреть на него, слышно, как он тихо и горько вздыхает.

Это дом-старик. Он никогда не увидит пузырей на лужах, пушистых одуванчиков и взъерошенных голубей.

Выпал снег.

Зимние превращения

В Ханты-Мансийске сегодня минус 30. Люди бегут по замёрзшим стеклянным улицам, и уши и носы их медленно покрываются прозрачными звонкими льдинками. Отважные путешественники и хемингуэи с бородатыми усами – не замечают того, что их лица уже оторочены мохнатой белой бахромой из спокойного снега и любопытного инея. Мальчишки скользят по обледеневшим тротуарам, как конькобежцы. Угрюмые машины выдыхают клубы дыма, и сдержанно рычат на весь белый свет. Птицы топорщатся уборами из перьев на голых ветках берёз. И я. Шествую на работу. Оторочен, скольжу, рычу, выдыхаю дым, топорщусь. Снаружи.

И улыбаюсь внутри.

Другая жизнь. Звёзды собачьих глаз

Вчера бродил на пустыре у реки. Где старые гаражи из красного кирпича как последние волны прибоя города и огромные выцветшие одуванчики выше колен. Из ниоткуда выбежала собака. Огромная, пятнистая, полуовчарка-полулайка, с разлапистыми почему-то ушами и печальными внимательными глазами, поднятыми на меня с немым вопросом. Я сказал: «Хорошо!» и бросил ей пол-блина с курицей. Она кивнула в ответ, аккуратно всё съела. Полувопросительно посмотрела вновь. Я нашарил в правом кармане пол-плавленого сырка «Дружба», бросил псу. Пёс умный – понюхал, - есть не стал. Так мы и разошлись. Он – своими собачьими тропинками, я – своими. Хорошая собака. Ситка Чарли. Кусок жизни.

Шелест стеклянной ночи

Если ночью, когда мир молчалив и прозрачен, оказаться в огромном полустеклянном здании – можно услышать лёгкий шелест под потолком. Тайная, спрятанная от дневных глаз жизнь.

Невидимые летучие мыши танцуют полуночный фрэйлэхс.

Ты и Мир

Есть ты. И мир. Звёзды, травы, песни. Птичий язык. Собачьи глаза. Вороньи пляски у мусорных баков. Крысиные кладбища на пустыре. Птичий скелетик у озера. Кошка, свернувшаяся калачиком в сугробе. Сорока-непоседа, шмыгающая сквозь времена и пространства.

Ленинградский «Беломор».

И стихи.

Сказка о зашиворотном снеге

Вечер. Сумрак. Я с коляской во дворе. Вдруг - стремительный шквальный ветер, а у него в ладонях – россыпь из тысячи острых колючих льдинок. И – мне за шиворот. Разбитое зеркало тролля? Льдистая оторочка плаща Снежной королевы? Не-е-е-а! Это, оказывается, звёзды. Им на небе заскучалось, они - пррррыг! – и уже качаются в ладонях у ветра. А потом – как дети прыгают с качелей – помните? – прррррыг ещё! – и... ой!!! – мне за шиворот.

Пришлось, улыбаясь, вытряхивать хулиганскую ораву крошек-звёзд из-за ворота. А они – гомонят, смеются... и – чуть смущённо извиняются. Посадил их на край коляски, подул – они с шёпотным хохотом (даже сына не разбудили – вот молодцы!) полетели дальше. У них сегодня ещё много дел. Кому-то путь осветить, кого-то грустного успокоить, кому-то – присниться. Летите, звёзды! Счастливых путей.

И ни капельки не холодно, между прочим...

Мышонок со ступенек памяти

Мир был удивительным и цветным. Да. Именно так.

Мне 6 лет. Выхожу из квартиры. В складках серых ступенек второго этажа дрожит маленькое серое с бусинками глаз.

Подошёл, склонился. Мышонок. Взял в ладони доверчивого испуганного малыша. Вынес во двор. Запомнил навсегда.

Мир был удивительным и цветным.

Был в лесу - встречал лису. Свистел как свиристель...

В лесу можно быть. Только собой и никем иным. Молчать, смотреть и слушать. В лесу целый мир. В лесу белки. И бурундуки. И птицы разговаривают. По-птичьи, конечно, но - если прислушаться - всё понятно.

И даже в парке, который младший брат лесу - с птицами тоже можно поговорить. Или просто послушать. Сорочьи разговоры, вороньи беседы, воробьиные суматохи. И трясогузки со свиристелями.

Карнавал неба в верхушках деревьев.

Утренняя песня крылатого

Сегодня по дороге на работу слышал песню утренней птицы. Красивую, удивлённую, радостную. Но кто её пел? Остановился, стал глядеть на мир. Вокруг.

Вот высокий тополь. На нём – скворечник. Около скворечника на ветке – праздничная нарядная синица. Но синицы так не поют.

На соседнем тополе раскачивается на ветке строгая, нахмуренная ворона. Но и вороны так не поют. А песня – летела над растаявшими лужами, старыми деревянными домами, покосившимися заборами.

Может, это пел ангел?

Звери-птицы. Собачий Человек, Сорочий Человек.

Странно. Когда я иду, вижу собаку, и мы встречаемся с ней глазами - я её понимаю... Изнутри. Я сам становлюсь немножко собака. Я улыбаюсь, ей, она улыбается мне. Она - урррррр! - здороваётся со мной.

Признавая во мне Собачьего человека.

Когда я вижу на заборе сороку, рассказывающую всему миру очередной выпуск сорочьих новостей, - я понимаю, о чём она говорит. Гляжу на неё - она на меня. Чуть искоса, чуть прищёлкивая клювом, любопытно и приветственно. Она признаёт во мне Сорочьего человека.

Когда в лесу я встречаю белку - мы с ней начинаем разговаривать. Она машет мне лапкой и щёлкает хвостом.

Признавая во мне Беличьего человека.

Свиристели как яркие птичьи пятна с хохолками чирикают мне в ответ на моё "Здравствуйте!". С удивлением и радостью признавая Свиристельевого человека.

Я не знаю, почему это так. Может быть это потому, что во всём - искры?

Городов мерцающие лица

В разных городах у неба разные выражения лица. Где-то оно хмурится, но в глубине души доброе, где-то - просто непонятно отчего - сердитое, где-то ласковое.

Поэтому когда приезжаешь в другой город - сразу чувствуешь, как он - настороженно смотрит на тебя, и думает, что ему с тобой делать - пустить, принять или нет.

Вот здесь небо и надо слушать.

И пусть оно улыбнётся...

Памяти искры. Дремучего детства

Мне - четыре. Мы переезжаем из старой полукоммунальной двухэтажки в первый в городе 5-ти этажный дом. Меня - в резиновых сапогах до колен, красной болоневой куртке и сине-красной шапке с помпоном выставили во двор, чтоб не мешал вещи собирать. И вот я стою грустный и думаю: "А за домом - болота... И камыши растут... Мы всё время с ребятами боялись туда ходить. А теперь как же? Получается, больше никогда и не схожу... А там за болотами - какие-то, наверное, интересные страны... может, луга или лес... а мы зачем-то отсюда переезжаем...

Не доиграли".

Не доиграли.

Подзатыльник Крошке Цахесу

У мира - много разных лиц. У сказок - много разных граней. Есть сказки просто грустные, но светлые. Есть сказки - тоскливые. После которых хочется плакать. А есть - горькие и безысходные. После которых долго-долго сидеть в тишине, курить и смотреть в потолок. Или сквозь потолок. Потому что они тебя - зацепили. И, может быть, даже схватили за шкирку и треснули носом о стекло мира. Но такие сказки, как и грустные, тоскливые песни - тоже нужны. Они - умывают сердце, сбивают с души шелуху, дают подзатыльники Маленькому Чёрному Человеку, Крошке Цахесу. Который пытается спрятаться у нас внутри.

Мальчишки у поручня

Лет 15 назад, в Свердловске я ехал в троллейбусе. День был смурной, зябкий, нахмуренный. Люди-пассажиры - такие же. У поручня стоял мальчишка. Лет 4-х. Смотрел на огромный, серый, ворчливый и недобрый взрослый мир, и по лицу было видно - как ему здесь плохо, неуютно, СТРАШНО.

Я нашёл глазами его глаза. Улыбнулся и показал язык. И состроил бармалейскую рожицу. Буквально на секунду. Знаете, КАК он в ответ заулыбался?

И всё чаще и чаще мне кажется, что все мы в этом мире - мальчишки у поручня...

Время бежит насквозь

Если ночью, в темноте и тишине - прислушаться, как-следует-прислушаться-к-миру, то можно физически почувствовать как сквозь тебя, сквозь каждую жилку, каждую клеточку - мгновение за мгновением пробегает время. И удирает на невидимых лапах в свою неведомую потаённую страну. Необратимо. Абсолютно. Да ещё и хитро посмеивается над растерянным тобой.

Небо помнит о нас

Сказки бывают разные – ласковые, светлые, тревожные, мерцающие. Бывают такие, от которых становится немножко грустно. Но это – так надо. Потому что сказки обладают двумя удивительными, волшебными свойствами - они умывают душу и поднимают её над временем. Да-да, будто на самых настоящих крыльях. И ни горе, ни отчаянье, ни быть может, даже смерть – человеку уже не страшны. Он теперь – может идти по своей тропинке дальше. И, – пусть чуть печально – но улыбаться. Потому что ему уже ничего не страшно.

Он не одинок.

Мир не зол.

Небо помнит о нас.

Исчерпывающая картина весны

Весна - щенок, отпущенный небом с белого поводка. Весёлый бестолковый лайчонок.

Ангел лесных пустырей

А я недавно видел ангела. Ангел был весёлый, с вишнёвыми смеющимися глазами, - как звезда, танцующая на туманном утреннем карнавале. Он грыз миндаль, шлялся со мной по лесным пустырям и заброшенным паркам, смотрел на загадочные кирпичные башни, поселившиеся в зеркале реке вверх ногами. Ну, где у башен ноги – я думаю, знают только ангелы. Ну и теперь немножко я. Ангел рассказывал истории. А я – молчал и улыбался. А что мне ещё? Когда разговаривают ангелы – люди должны... улыбаться. Потому что - светло.

Ещё ангел пел песни. Курил сигареты. Пил кофе. Было хорошо. Если вы не знаете, как бывает хорошо, когда рядом ангел, то я вам скажу - это гораздо лучше, чем полкилограмма сливочного пломбира с шоколадной крошкой или даже бутылка лимонада «Буратино» из 1978-го года вприкуску с конфетами «Школьные».

А время утекало сначала каплями, потом струйкой невидимого песка, потом таёжным папортниковым ручьём, потом – пятнистой Исетью, посаженной в бетонную клетку. И - утекло. И я сказал ангелу: «Знаешь что, ангел? Знаешь что.... Зай гезунт, ангел. Лети высоко. Тебе – лететь и лететь. А я буду из своих лесных парков просить сорок тебе эсэмэсочные телеграммы иногда приносить. Вот... Что-то ещё хотел сказать... забыл. А, вот. Вспомнил.

Ангел! Прилетай ещё».

Я буду ждать.

Бродить (движущейся звездой)

В лесах. На окраинах. В заросших осокой дремучих озёрных переулках. Там можно - "бродить". Часами. Уходить, убежать, улетать – от себя к себе, от людей - к травам, цветам, кошкам и трясогузкам, от серой смертельной пыли пустых глаз и inferнально-манекеновых слов – к ленте Мёбиуса времени, мерцающего звёздами памяти. В пространство, которое живое. И дышит. Парки, захолустья, леса, пустыри, старые кварталы - там ЭТО есть. В этом - спасение. Вот это "бродить" - мне по правде кажется настоящей жизнью, более настоящей, чем всё остальное. Ты в Дороге. Даже если присел на старую скамейку или у корня старой сосны. Ты - вне Мира - и одновременно - в самом его сердце. Тебе чуть печально, но очень светло. Так, как может быть, больше никогда не будет. Тебе не с кем говорить, но говорить и не надо. Хотя можно - с белками, собаками, сороками, деревьями, голубями, бабочками. Они тебя принимают.

В предпоследний день отпуска взял себе два пива и убежал в лес. Бродил и сидел час. Видел семь белок. И потом ещё одного бурундучка. Здоровались глазами. Молчали. Там покой. Какая-то радость притаившаяся. И - ты. И - мир.

Метафизика бегства. Дороги одиночества. Выключение мира. Бродить. Пропускать через себя мир в движении. Где точка остановки - ты сам.

Пульсировать движущейся звездой по ленте дороги.

Больничный городок. Деревянная Птица Сова и поэт в избушке

Около окружной больницы в Ханты-Мансийске есть небольшая детская площадка. Несколько газонов, песочница. В центре песочницы стоит Сосновый Бородатый Человек в соломенной шляпе, которая гриб. Сбоку стоит Деревянная Бабушка с колобком на рушнике и деревянный Дедушка-Царь с бамбуковой палкой. Царь - потому что в короне. А между Бабушкой и Дедушкой сидит на столбе Деревянная Птица Сова. С другой стороны - стоит запертая на железную скобу и висячий замок старинная избушка. Там живёт Баба-Яга. Я беру трёхлётнего сына Тимку на руки, мы заглядываем в окошко и с ней разговариваем. Она весёлая, хоть и говорит страшным хриплым голосом. Сочинила нам песенки:

-Ту-ту-ту, Ту-ту-ту –
Встретимся в аэропорту!

-Ты не бегай по траве
прямо в городе Москве!

Это про окрестности московского аэропорта Внуково.

-Баба-Яга, ты так любишь шутку! -(хриплый страшный голос) - и сразу превращаюсь в утку!

-Баба-Яга, ты на метле летаешь на прогулку? -(хриплый страшный голос) -Нет. Люблю я лучше стрескать булку!

Только сейчас там Безумные Строители всё перекопали. Это, к сожалению, закон мира.

Старушка в избушке. Новых песен горсть

В Больничном Городке на улице Крупской, где Безумные Строители всё перекопали, - представляете? – всё ещё живёт в избушке невидимая Баба-Яга. Мы с Тимкой приходим, спрашиваем её, а она отвечает своим страшным хриплым голосом. Каждый раз по-новому:

-Баба-Яга! Ты что, живёшь вот здесь, в избушке? -(страшный хриплый голос) - Как и положено старушке!

-Баба-Яга! Ты так мила и так добра! -(страшный хриплый голос) – И у меня есть два бобра!

-Баба-Яга! Ты что, невидимая, что ли? -(страшный хриплый голос) - Я в джазе, блюзе, рок-н-ролле!

Вот какая у нас Баба-Яга.

Взлетел

Сказка – это птица. Она вылетает сама. Когда хочет. Сначала она как утёнок - неуклюжий, смешной, шлёпает лапками по бумаге лесного снега. А потом - видит разноцветную бабочку в глазах сказочника. Нет, - сначала - это просто искорка. Потом у неё вырастают лучи - и она уже звезда. А потом - вырастают крылья, и на них играет радуга. И она уже бабочка. И утёнок, здороваясь с бабочкой, чувствует, что уже не может так, как раньше. Что что-то случилось. И он - уже совсем другой. И вместо шёпотно-смущённого: "Здравствуйте, бабочка..." - из его маленького горлышка летит в небо лебединая песня. И он взлетает. Со страниц. И глаза у него - удивлённые, доверчивые и радостные.

Как свечи, которые зажигают взрослые, когда в квартире отключают электричество.

Собачье. Задумчивое

Вчера опять долго смотрел на собак. Что лежали на детской горке и хитровато-удивлённо щурились солнцу. И думал: «Хочу. Стать собакой. Хочу чують ветер. Хочу в пол-четвёртого ночи, принюхиваясь, бегать по чужим дворам. Когда ВСЕ спят. Когда кончается время людей и наступает Другое Время».

Нездешние белые белки

Литература, творчество - это, по-моему, пустые, стёртые, неправильные слова. Просто человек живёт на свете - он должен свету светом отвечать. И если эти лучи летят и души греют - то они настоящие. Они могут быть в разговорах, песнях, стихах, сказках; в случайной улыбке, удивлённом взмахе ресниц, золотых зеркалах глаз. Там - света гнёзда.

Поэтому ни песни, ни стихи, ни сказки - как явление литературы - они на самом деле совершенно не важны. Реальное волшебство в мир несут сами стихи, сказки и песни. Их главная ценность - абсолютно не интеллектуально-эстетического порядка. Наоборот. Просто они должны быть живые. И светиться. И смеяться. И плакать. Потому что и в плаче, и в тоске, и даже в отчаянье - тоже есть свет. Потому что если такое отчаянье, в котором ни крошки, ни осколка, ни лучика света - то его не бывает. Или - человека уже не бывает. Это самое страшное. Не хватило лучей.

Если слова, и миры, которые в сказках, стихах и песнях - в них и за ними прячутся - настоящие, живые и разноцветные (просто невидимые до поры до времени), нужны людям, то - конкретным людям - которым плохо сейчас, которым до безысходности тоскливо, которые потеряли что-то важное или просто замёрзли и дрожат от озноба в метели мира.

Такие живые буквы в сказках, стихах и песнях у Сергея Козлова, Александра Шарова, Овсея Дриза, Биньомина Гутянского, Велимира Хлебникова, Ксении Некрасовой, Елены

Гуро, Александра Введенского, Игоря Фарбаржевича, Горана Петровича, Владислава Крапивина, Павла Инькова.

Потому что хорошие песни, стихи и сказки – они живые. С лапками, глазами и хвостом. Как нездешние белые белки. Прибежали к тебе, лапу положили на подушку, другой лапой по голове тебя погладили. И всю ночь просидели у изголовья. Смотреть, чтоб сны тёмные, тяжёлые, свинцовые не прилетели. Отгонять зло. Не пускать злое чёрное козло. А, наоборот, семь раз хвостом махнуть, прошептать:

Прыгайте, беличьи сны

С веток старой сосны!

И пропадёт комната. И настанет лес. Кленовый, берёзовый и липовый. А может, и не лес. А такое место - которое сразу и лес, и река, и поляна, и озеро, и парк, и немножко море, и остров, и горы. И ещё - кухня. Огромная, одна на всех. Где вместо люстры мерцают добрые пушистые звёзды....

Большой мир

Выношу на руках закутанного в космонавтский комбинезон годовалого сына Тимку из дома. Поворачиваю его в разные стороны, чтобы он увидел весь заснеженный двор. И говорю, обозначая увиденное: «Большой мир. Собаки, сороки».

Лететь (солнышко внутри)

Жить - лететь. Летишь - когда усыпляешь ребёнка песней. Видишь сон. Сочиняешь мир из слов. Или он сочиняет тебя. Всё время летишь. Из памяти в память. И сбежавшее твоё полуночное детство с лунными и фонариными узорами на потолке - стоит рядом со вчерашним ночным шёпотом сына. Или случайно подсмотренным ночным собачьим танцем. Или любопытной звёздочкой, нечаянно заглянувшей в форточку, ойкнувшей от удивления, но не улетевшей. Всё время лететь. Падать в тучу, вылетать на солнышко, лететь мимо звёзд, прошмыгивать мимо чёрных дыр. А солнышко всё равно выше всех. Потому что оно внутри. Раз-два-три...

Бродить (стрела мира)

Также как всегда. Также, как везде. Ходить, бродить по улицам и незнакомым странным местам. Ноги сотрёшь, бывало, потому что ходить надо много. Слушаешь людей, птиц. Мурлычешь блюзы и колыбельные на идиш. Покупаешь в лавках и придорожных кафе, используя свои пять слов на иврите - кофе, пиво, фалафель, пожалуйста, спасибо. Покупаешь в киосках и крохотных магазинчиках, используя свои семь слов по-русски - пиво, синий «Честер», кириешки, здравствуйте, спасибо, до свидания. Идёшь дальше. Ходить, бродить. Так всю жизнь. И пространство движется. Всё время. И ты - не точка, а стрела. И мир вокруг движется и звенит. И ты – звенишь. Оглянешься - то лес в Долине Ручьёв, то ночное шоссе у остановки на Гидронамыве, то переулок Озёрный. То Чистые Пруды, то Измайловский парк. То Плотинка, то парк у Розы Люксембург, где кирпичная крепость, как церковь в реке. То окраина Иерусалима, то старый Тель-Авив, то лес в Прииерусалимье. Разница есть... но такая, что никакой разницы.

Шляпа

Мне почему-то хочется написать про шляпу. Пишу - шляпа. Это такое слово. Хотя никакое это не слово. Слово на голову не наденешь. А вот шляпу - наоборот - никуда не наденешь, кроме головы. Хотя её ещё можно надвинуть на глаза. Или носить с лихим заломом. Шляпа - чёрная. Как звёздная шерсть. Где-то далеко-далеко, может, в Иерусалиме, а может, в Чернигове, или в Зальцбурге, или в Кливленде - на булыжной мостовой стоит человек. И смотрит в небо. Никто не знает, что он видит. Никто не знает, о чём шепчут его губы. Никто даже не знает, кто он и откуда он здесь взялся. И почему, когда он смотрит в своё неведомое небо - с его головы не падает шляпа.

Цветов нездешние лица

...Незабудка, незабудка...

Сын Тимка пару лет назад напевал:

«Незабудка, незабудка,

В сказке я живу – ... как будка!»

Странно... У русских почти все цветы названы звонкими живыми человеческими именами.

Василёк, ромашка, колокольчик, иван-да-марья, анютины глазки. Незабудка - как ласковое прозвище девушки. Даже одуванчик, несмотря на свою обдуванчиковую, перелётную судьбу - ласково звучит. А злые, колючие растения - звучат тёмно, шипяще - чертополох, репейник, волчччья ягода....

Растите, одуванчиковые незабудки удивления и радости. Вы одни умеете сквозь времена лететь в сбежавшее навсегда прошлое по лучу памяти. И забвение над вашим волшебством не властно.

Растите на своей потаённой поляне.

Вечно.

Наряжать ёлку. Игрушками.

Вчера - поздним вечером, почти ночью - неугомонный Тимофей Ильич Верховский, трёх с половиной лет, бродил вокруг поставленной на стол маленькой ёлочки. Побродив, подумав о чём-то своём, загадочном и удивительном, радостно обратился ко мне с предложением:

-Папа! Давай прямо сейчас будем наряжать ёлку. Игрушками!

-Давай! – ответил я. И ушёл в другую комнату за коробкой с ёлочными шарами.

-Я уже начал. Уже вот нарядил! И ещё наряжу! – раздался радостный крик Тимки.

-Чем ты нарядил? – спросил я, разыскивая в шкафу шары.

-Акулой! И ещё вот – бегемотом! – ответил мне радостный детский голос.

Я выбежал из комнаты с коробочкой игрушечных шаров. На ёлочных лапах - лежала большая сиреневая акула. И, кажется, улыбалась. Чуть выше её, среди ветвей, затаился плюшевый бегемот с застенчивый зелёной мордочкой. А к ёлке уже торжественно шествовал Тима, неся в руках весёлого жёлтого утёнка.

Сказка человека-запутаника

Живёт человек. Грустный. Ходит, бродит, колобродит. Присядет, на небо поглядит. А небо – серое, шершавое, шерстяное. Человек вздохнёт, ресницами печально взмахнёт. Уснёт.

А проснётся утром – мир уже солнечный. И листья-подснежники хороводом птичьим у форточек носятся. Засмеётся он.

Р-раз, два, тринадцать, тридцать пять - я пошёл гулять....Нет, то есть - летать.... тьфу... хохотать!... нет, опять не то... бормотать? Да, бормотать!!! То есть, нет... Я - запутался.

Я - запутаник.

Я – путник

Я - петъник.

Я буду песенку петь:

Слетает с неба весточка,

Дрожит берёзы веточка.

Дрожит она, качается,

Берёза улыбается.

Качает тихо головой-

Одуванчиков травой.

Под берёзой гриб, гриб

Сапогами скрип, скрип.

И тоже улыбается.

А песенка - кончается...

Лес росомаховых медвежат

Сегодня во сне я спасал росомаховых медвежат. Был мой сорочий берёзовый парк, но он был тёмный дремучий лес. Я проходил осторожно, глядя и слушая. Увидел человека впереди, затаился у корня дерева. Я не люблю в лесу встречать людей. В лесу надо быть одному. Человек прошёл. Я – тихо шагаю дальше – без тропинки, по седому зелёному настилу из хвои. Вдруг сбоку – звук. Шшшурх! Я встрепенулся, бесшумно, индейским шагом, как на охоте, подхожу к старой сосне. Думал – большая птица. Нет. Зверёк. Стоит на толстой ветке. Крупнее белки раза в четыре, шерстью схож с лисицей-чернобуркой. Встретились глазами. Мордочка – как у росомахи. Глядит серьёзно, глаз не отводит. И убегать – не собирается. И – чувствую сзади – как кто-то тихо трогает меня лапой. Обернулся – на другой ветке ещё такой же зверёк. Смотрит печально и чуть жалобно. Потёрся мордочкой о мой рукав. Кивнул – и – будто позвал за собой. И первый зверёк с ним побежал, указывая мне путь. Пришли на окраину леса – там свалка. И большая то ли нора, то ли дупло, заделанное твёрдым, очень плотным картоном и железными листами. Мои маленькие росомаховые медведи кивают на это дупло, а у самих глаза грустные-грустные. А в дупле еле слышен плач, писк и шуршание. Я залез, выломал картон, скинул железо. А там – росомаховые медвежата! Выбежали, скачут, кувыркаются. И их татэ-мамэ смотрят так... будто у них в глазах солнышко-улыбка.

Украденные дети. Время избавления. Мир росомаховых медвежат.

В сером и немножко в чёрном. Вороний праздник

По зелёной крыше самого высокого в Ханты-Мансийске шестиэтажного дома гуляют 17 ворон. Деловито, по-хозяйски вышагивают, серьёзно так, чуть искоса глядят на зелёные черепицы крыши и изредка что-то клюют. Я думаю, это ночью несколько звёзд на крышу скатилось. А вороны их на солнце за зёрнышки принимают. У хантов и манси есть такой весенний праздник – Вороний день. Это когда прилетают вороны, и на снегу – они как чёрно-серые застёжки-пуговицы на белой шубе Калтащ-Эквы – Матери Всех Живущих.

На крыше немножко снега. Немножко крыши. И 17 весенних разведчиц.

Мороз Сорочьих Берёз

Осенью мы с Тимкой гуляли в старом дворе. По улице Калинина. Двухэтажный деревянный дом послевоенных времён, обшитый черепицей, стайка сараев напротив, берёзы у забора. И - увидели сороку. Она никак не могла усидеть на месте, то взлетала, то начинала вприпрыжку бегать по крышам сараев, то садилась на ветку берёзы, но и здесь усидеть на одной ветке больше минуты не могла. И перескакивала на другую. А потом снова - по своему диковинному маршруту. Мы сочинили про неё песенку:

Сорока-непоседа

Сидела на берёзе -

До самого обеда

На большом морозе.

Хотя тогда, осенью, чуть печальным жёлто-оранжевым временем, морозов не было. Теперь они пришли. А сорока-непоседа - наоборот.

Где ты, сорока?

Птичий Дом Песня

У меня всегда, ещё с детства было своё странное восприятие песен, стихов и сказок. Я был уверен, что они не просто – горсть звуков, букв и узорчатых чёрных строчек на белых листах, брошенные в мир. Они – живые существа. По-настоящему. Может быть – более живые, чем многие люди. Песня - она как птица. Пролетает над тобой и забирает тебя. С собой, туда, в свою диковинную птичью страну, в мир, где всё светло или сумрачно, грустно или странно и очень по-настоящему. И ещё я понял, что песня – хорошая песня – это такой ДОМ.

В нём можно и нужно жить.

В нём, даже, может быть, Родина.

Первый вороний снег

Две вороны сидели у заснеженного корня старого ясеня. Склонив головы, они удивлённо смотрели на белую сверкающую пыль, странными узорами покрывшую древний осенний парк. Одна из них даже попробовала её понюхать. И – через несколько секунд замотала головой – дескать, нет, – ничем особенным не пахнет. Недоумённо защёлкала клювом. И тут с неба слетел ворон. Чёрный-чёрный, как угольные чернила. И приземлился на белую сверкающую пыль. Наступила зима.

Сон про чучелко с неожиданным именем

Приснилось огородное чучелко с головой из воздушного шарика, на котором фломастером была нарисована улыбающаяся рожица. Чучелко сначала стучалось ко мне в дверь, потом смешно ковыляло за мной всюду, как собачонок. А звали чучелку - Пессимизм.

Старые книги

В старых книгах есть какое-то неизъяснимое волшебство. Они – как живые существа, повидавшие невероятно много на своём веку. Они со своих страниц заглядывали в тысячи глаз. А люди заглядывали в них. И эти взгляды, шёпоты, нахмуренные брови, улыбающиеся лица, склонившиеся над – остались, сохранились, спрятались между истёртых страниц, в потрескавшемся переплёте. Помню, в библиотеках – ещё с детства – просто ходил между полками, вертел головой по сторонам, глядел, ДЫШАЛ этим пространством. И, когда взгляд падал на старую-старую растрёпанную книгу – брал, абсолютно не раздумывая. И очень редко разочаровывался. Почти всегда это была ТАКАЯ книга.

Книги – они живые. Они просто дремлют.

Сквозь времена.

Зябкое и прекрасное время

В Ханты-Мансийске дождливые дни. Осень на ветках уже отгорает жёлтым.

Листья - состарились, и падают, кружась и вытанцовывая последний танец, как исчезающие на глазах безнадежно уставшие капли уходящего неизвестно куда времени.

Сороки летают, почему-то болтая ногами. Может, это они так радуются? Может, это такой особый потайной Сорочий Праздник? Невероятно красиво – чёрно-белое сорочье платье на бело-чёрных холстах берёз в рамке увядшего золота и бесконечной стаи прозрачно-серых блестящих дождинок.

Это – осень к зиме.

Зябкое и прекрасное время.

Родные места внутри

Родные места - они ведь не только в пространстве, но и во времени. Точнее, во временах. Сбежавших. Хотя говорят - никогда не возвращайтесь на пепелище, - пусть говорят. Иногда возвращаться полезно. Больше привязываешься к своему внутреннему - пространству, которое времени не подвластно. И которое тебя сквозь время, сбегающее на глазах ручейком меж пальцев души, пронесит так, будто никакого времени нет.

Ибо родные места - внутри.

Сорочий городок. Увиденное к ночи

Вчера возвращался затемно, через парк. Безлюдный, снежный, белый, с глубокими синими отсветами сумрака и небом чёрных берёзовых ветвей, сплетённых в причудливые узоры. Тишина. Если прислушаться, - слышно, как скрипят берёзы. Будто уставшие бабушки побуркивают, задрёмывая.

И вдруг я услышал где-то вверху хлопанье крыльев. Поднял глаза - Б-же мой! А я ведь никогда не задумывался, где ночуют мои друзья и собеседники - сороки и вороны. Оказывается, из всех деревьев парка они выбрали для своего лагеря четыре-пять деревьев, стоящих чуть сбоку, и ВСЕ устроились на ночлег там.

Картина совершенно мистическая - в чёрно-белой тишине стоят пять берёз, на ветках которых - невероятное количество каких-то загадочных мохнатых плодов. А это - птицы. Взъерошили перья, ухватились за ветку покрепче, некоторые прижались к друг другу. И спят. Вокруг - тишина. Только берёзы потрескивают. А птицы, свернувшись в комочки из перьев, качаются на ветках. Это такой ночной птичий штэтл. Сорочий городок. Чуть ближе к Небу, чем мы.

Спокойных ночей вам, птицы.

Спокойных времён вам, люди.

Река времён

Как интересно жить! Река времён течёт, - кажется, что мимо, а на самом деле сквозь нас, увлекая своими волнами, то ласковыми, то колючими – за собой. И через совсем немножко – стряхиваешь брызги времени с непослушных волос и оглядываешься вокруг. А вокруг – немножечко всё иное. И кажется, что ты тоже иной. Но это только половина правды. По-настоящему – есть два тебя. Один – Тот, Что Снаружи. О, да, он может меняться, отращивать густую бороду, волосы до плеч, бросать курить и начинать пить коньяк из маленьких бокалов, жениться и разводиться, носить белый пиджак, пользоваться казённым сотовым, выступать по телевизору, размахивая руками. А другой – Тот, ЧТО ВНУТРИ – Вечный мальчишка – о, нет. Ему меняться и не нужно. Он – взъерошенный, лохматый, любопытный – глядит на мир, улыбается от уха до уха и дарит миру Праздник. Потому что иначе нельзя. Потому что иначе – скучно.

А если скучно – это разве жизнь?

Чего и Вам желаю.

Родина-пустырь, Родина-овраг

Метапровинция. Сибирь. Ханты-Мансийск. Покосившиеся сараи (сарайки, как их здесь называют), полуразвалившиеся или ушедшие в землю по самые бревенчатые уши дома довоенной постройки, пустыри, похожие на неведомые страны, тополиные и берёзовые океаны в оврагах, до которых нет никакого дела, никому, кроме мальчишек, ворон, собак и сорок. Живые картинки детства.

Пустыри и старые дома первичнее. Онтологически, бытийственно. Они более откровенны, искренни. В них есть настоящее, древнее, дремучее дыхание. Запредельной памяти, бесконечного потока времени, сумрачного пронзительного света.

Спасибо им.

Мёртвые

Они же никуда не уходят. В жуткую, чудовищную даль. Они здесь - рядом с нами. Умер - уехал. Просто в очень другую страну. Но нас они не оставили. Приходят в снах, смотрят с неба глазами звёзд, шепчут что-то ветерками, машут лапами деревьев. Иногда смотрят на тебя из собак (не бойся их), иногда из голубей или кошек. Иногда из луж. Из песен своих. Музыки. Книг. Стихов. Тропинок, по которым ходили, парков, где смотрели в небо берёзовых веток. Они смотрят. И если нам плохо, они нас защищают. Только вот даже они не знают, как от страха этого спасти. Они его просто не понимают. И им нас жалко.

Дождиковый снег

Посмотри в окно. Там - дождиковый снег. Он хи-итрый – притворяется каплями, летящими с неба. Он думает, что мы поверим, что небо плачет.

Нет, дождик. Ты не такой хитрый, как думаешь. Зачем плакать? Мы же знаем, что на самом деле ты – снег. И невидимые снежинки слетают с неба, потому что их рассыпают горстями небесные медведи. Им же интересно! Сбросят с самого небесного краешка по семь пушистых горстей – и замороженно смотрят, как снежные бабочки медленно разлетаются по всему белому свету. И вправду белому!

Потому что в белом мире нет чёрного цвета. Он сбежал. Оглядываясь и бормоча себе под нос какие-то чёрные ругательства. Ну и пусть.

А медведи на небе – улыбаются.

А ты, дождик, говоришь – плач, слёзы, капли.

Это не капли.

Это солнечные цапли летят.